

ОСНОВАНИЯ И ПРЕДМЕТ ЭТИКИ У СТОИКОВ

А. С. Степанова

Статья посвящена проблеме оснований и предмета этики стоиков. Этика поздних стоиков выстраивалась как теория, нацеленная не просто на практику, представляющую собой совокупность частных случаев, а на особого рода опытное знание, главной составляющей которого было применение некоторых от природы свойственных человеку природных структур – общих понятий (рационального элемента). При этом признавалось наличие в человеке требующих развития элементов некоторого внутреннего свойства, выявляющего интуитивную целостность восприятия мира и отношение к нему – пролепсисов. Это позволяет называть концепцию Стои интуиционистской теорией.

Обычно считают, что философия Стои – преимущественно этика, или даже отождествляют эти понятия. Кроме того, этика стоиков предстает как нечто готовое, предзаданное, при этом неизбежно в стороне остается вопрос о фундаментальных основаниях этики Стои. На самом деле стоики задавались вопросом об этих основаниях. Так, Марк Аврелий говорил: «Человеку, проникшемуся истинными основоположениями, даже самое краткое и общеизвестное выражение может напомнить о состоянии, свободном от печали и страха...» [X 34]¹. Вместе с тем для выявления смысловых доминант в области этики необходимо привести их в соответствие с основополагающими идеями, концептами и понятиями, характерными для всей концепции Стои.

Наиболее фундаментальный характер носит концепт *общих понятий*, который соотносится у стоиков с концептами *общей природы*² и *общего блага*³, то есть входит в простран-

¹ Марк Аврелий. Рассуждения. Магнитогорск, 1994. С. 226.

² Там же. С. 114 IV 29; XI 10.

³ Там же. С. 114 VI 30.

ство этики. Концепт *общих понятий* выявлял природное начало, свойственное представлениям людей, ведь это как раз было в духе стоиков – всматриваться в природу! Поэтому первой проблемой для стоиков стала проблема врожденных понятий. В этом ряду стояло и понятие *пролепсис*. В научной литературе существуют расхождения в вопросе их интерпретации. Нередко «пролепсис» переводят термином «общие понятия», уточняя, что эпитет «врожденные» следует переводить как «укорененные» или «внушенные»⁴. Все же невозможно игнорировать то обстоятельство, что слова со значением «врожденный» употребляются рядом с «общими понятиями» и «пролепсис», и очевидно, что здесь речь идет не о внешней природе, а о каких-то внутренних свойствах (свое собственное), личном взгляде, самовнушении, по природе свойственных человеку, то есть близко по смыслу к тому, что передается латинским *intus* – изнутри. Это действительно своего рода интуиция. Главное, что для стоиков актуальна связь этих понятий с этикой. Эпиктет, ссылавшийся на патриархов Стои, отмечал, что благодаря термину *пролепсис* стоики приобрели общее этическое понятие⁵. В «Беседах» Эпиктета тема общих понятий рассматривается специально (глава 22).

Особо речь идет о способности разума исследовать самого себя, об условиях этого исследования. В этом пункте сказалось влияние психологизма, берущего начало от Панэция и Посидония, развитого Сенекой. Речь идет о признании равноправия двух начал в человеке – разумного и неразумного (иррационального), подлежащего не столько исправлению, сколько направлению. Предполагая в качестве необходимого условия наличие в человеке творческого потенциала, Эпиктет развил новую этическую парадигму Панэция – Посидония, в сторону поиска руководящего принципа этико-психологической практики, предложив своего рода тренинг. Таким образом, по сравнению с тем же Сенекой Эпиктет даже ставит

⁴ Таронян Г. А. Примечания к Беседам Эпиктета // Беседы Эпиктета. М.: Ладомир, 1997. С. 271.

⁵ Об этом см.: Степанова А. С. Философия Стои как феномен эллинистическо-римской культуры СПб.: Петрополис, 2013. С. 18.

под сомнение необходимость теоретической этики. Так Сенека подчеркивал, что правильность поведения зависит от знания блага и добродетели [Письма. 95, 40; 55, 60]⁶. Эпиктет же высказывал сомнения в эффективности знания теории, особенно силлогизмов, подчеркивая, что без практического применения она бесполезна [I 17, 15–18].⁷

В разделе «С чего начинается философия» сказано о причине философии. Эпиктет утверждал, что она начинается от бессилия в решении необходимых вопросов, и вопросы эти – из области этики и эстетики: о прекрасном, о надлежащем, о благе и зле, о счастье. Казалось бы, отвергая первоначально наличие врожденного представления о данных вопросах, Эпиктет затем делает оговорку, касающуюся наличия некоторого природного основания, подсказки, позволяющей не сведущим людям как-то поступать: «...мы приходим как бы уже обученные природой кое-чему в этих вопросах» [Эпиктет II 11, 6]. Смысл проблемы не в способности к тем или иным поступкам, а в их неправильности, то есть несоответствии вещам. В конечном итоге все сводится к задаче применения общих понятий к конкретным житейским ситуациям. Мы узнаем постановку проблемы, свойственную классической античной философии и рассматривавшуюся Платоном в рамках его теории идей, а затем Аристотелем, эту теорию отвергавшим. Стоики переместили ту же проблему в плоскость этики, призывая к поиску мерки для определения соответствия поступков реальным вещам и согласования разногласных мнений. По существу, ставился вопрос о соотношении единого (истины) и многого (мнений). Характерно, что Эпиктет употребляет термины, то *общие понятия*, то *слова*. Фактически Эпиктет применительно к этике воспроизводит относящуюся к теории происхождения языка и наименования проблему $\theta\acute{\epsilon}\sigma\epsilon\iota$ и $\phi\acute{\upsilon}\sigma\epsilon\iota$ (природную и конвенциональную версии). Эта теория имела глубокий философский смысл, поскольку в рамках ее ставился вопрос о соответствии обозначающего и обозначаемого, о соотношении слов и понятий. На основании текста

⁶ Сенека. Нравственные письма к Луцилию. М.: Наука. 1977.

⁷ Беседы Эпиктета / Пер. Таронян Г.А. М.: Ладомир, 1997.

Эпиктета можно утверждать, что проблемы этики рассматривались под тем же углом зрения, что и философия языка в теориях Платона – Эпикура.

Поэтому стоики, открыв ту истину, что мир этически ориентирован, поставили вопрос о том, каковы основания этики, на чем держится этика. Существенно, что в соответствии с их физическим учением, в основе которого лежат представления о взаимодействии активных и пассивных начал в мире, они открыли, что *этос* имеет как пассивную, отражательную, так и активную, действенную сторону. Поэтому они разделили мир на две сферы: того, что не в нашей власти, и того, что в нашей власти. В основе рассуждений стоиков лежало убеждение в необходимости достижения истинного знания о вещах, позволившего бы поступать правильно.

В ряду вопросов, которые имели прямое отношение к этике, как практической науке, у стоиков стояло образование. Стоики вводят *образование*, которое становится предметом обсуждения, в пространство этической парадигмы через посредство концепта общих понятий: «Образование необходимо, чтобы применять общее понятие о разумном и неразумном к частным случаям согласно природе» [I 2, 6]. При этом концепт общих понятий эксплицируется как нечто такое, что едино для всех: «Общие понятия у всех людей совпадают, между ними нет противоречия» [I 22, 1]. Пример, который здесь приводят стоики: «Все считают, что благо полезно». Фрагмент интересен тем, что идея единого, имеющая здесь явно этическую доминанту, принимается вместе с тем за аксиому, указывающую на онтологическое основание. Кроме того, следующий затем ход мысли выявляет диалектику теоретического и практического в концепции стоиков, поскольку главное для них – обнаружение роли общих понятий в качестве оснований для практической этики. Так, Эпиктет утверждал, что «Противоречие возникает только при применении общих понятий к частным случаям; то есть не то, что благо превыше всего, что нечто благочестиво, а благочестиво ли есть свинину или нет?» [I 22, 2]⁸. Философ при этом уточ-

⁸ Там же. С. 76.

нял, как это происходит: «Когда один скажет: “Он прекрасно поступил, он мужественный”, а другой: “Да нет, он отчаянный сумасброд”» [I 22, 2]⁹. Многократно Эпиктет говорит о том, что важно «правильно применять общее понятие о должном» [I 22, 7]. Так была поставлена проблема: идеал и данность, как они соотносятся? В этом пункте и возникала необходимость обращения к теме образования, выявлялась его доминантная роль: «Учиться применять общие понятия к частным случаям» [I 22, 9]. В этом и заключалась задача и само существо образования по стоикам, образования, долженствующего научить поступать правильно.

Исследователи отмечают, казалось бы, удивительный для учения стоиков факт – отсутствие в теории Эпиктета, представляющей собой компендиум паренетических топов, «деление безразличного на предпочитаемое и не предпочитаемое, учение о первичном по природе, и уж вовсе нет речи о расширении блага за счет чего-то внешнего»¹⁰. Эта особенность только подтверждает актуализацию Эпиктетом темы нахождения и развития некоторого выявляющего скрытый смысл внутреннего свойства в человеке, свойства природного характера. Эпиктет по существу говорит об эффективности безразличного. Как это возможно? Ведь ни общие понятия, ни так называемые естественные понятия недостаточны для этически выверенного поступка. Тем более не достаточны, и даже как будто служат помехой для практики *представления*. Таким образом, тема *представлений* оказалась включенной в предмет рассмотрения у стоиков. Стоики указали на трудности процедуры применения общих понятий к частным случаям. Обсуждение этих частных случаев как раз и затрагивало тему представления. Отношение к понятию *представление* у стоиков неоднозначно. Достаточно вспомнить, хоть и претендующие на особость в концепции стоиков, но все же представления – каталептические, играющие роль критериев истины. По существу, стоики констатировали двойственный характер, свойственный представлениям, полагая, что представление

⁹ Там же.

¹⁰ Столяров А. А. Стоя и стоицизм. М., 1995. С. 312.

в самом себе содержит событие (то есть скрытое в нем выражение). Ж. Делез, демонстрирующий именно такое понимание проблемы древними философами, приводит пример: смерть, «смертный» и событие «умирания». *Смерть* относится к положению вещей (в терминологии Ж. Делеза – Л. Кэрролла), понятие «смертный» является предикатом, но значения оказываются лишенными смысла, если не содержат в себе события умирания. Это событие осуществляется в первом, а выражается во втором¹¹. Смысл стал тем стоическим принципом отношения к сущему, который при всем безразличии к внешнему все же причастен к нему через представление, ибо он есть само постигаемое в представлении. Вот почему «стоическое *amor fati* – это не столько любовь к року, сколько любовь к себе представляющему, к искусству постановки вообще»¹². Ж. Делез сумел уловить сокрытую в этом мысленном конструкте стоиков о *представлении* мысль. Рассмотрев триаду, к которой апеллируют и стоики, а именно: чувственные, рациональные представления и бестелесные события, репрезентируемые как *смысл*, Ж. Делез уточняет: «...чувственные представления являются обозначениями [денотациями], рациональные представления – значениями [сигнификациями], и лишь бестелесные события полагают выражаемый смысл»¹³. Это различие имеет сущностный характер. Нейтральность смысла по отношению к первым двум членам ряда принципиальна, поскольку из этого свойства выводится и нейтральность смысла по отношению к частному и общему в отличие, например, от представления, которое целиком находится во власти внешнего отношения (сходства или подобия).

Вышеприведенная формула поздних стоиков – «Применение общих понятий к частным случаям» – передает смысл того, что Ж. Делез называет «открытой проблематической структурой», как того, что содержит в себе самом возможность будущего осуществления (вполне в духе рассуждений

¹¹ Делез Ж. Логика смысла. Екатеринбург, 1998. С. 195.

¹² Гордюхин Е. Ф. Стоическая трагедия или «этика мима» // Человеч. № 2. М., 2010. С. 174.

¹³ Делез Ж. Логика смысла. С. 194.

Аристотеля), но при активном участии субъекта. Этот момент удивительным образом получает развитие в одном из моральных наставлений Эпиктета: «если не справляешься, то уйдешь: дверь открыта» [I 9].¹⁴ Именно на уровне формулирования проблемы происходит осознание смерти как безличного события. Важно осознание механизма функционирования этой связки: «общие понятия» – частный случай, первый член которой представляет собой константу, а второй – переменную. Еще один аспект, связанный с интерпретацией подхода стоиков – это элемент активности, нужно обладать действенной способностью применения представлений, а значит, вставал вопрос о способе их реализации. «Жизнь, – говорил Марк Аврелий, – следует слагать из отдельных действий...» Кроме того, здесь звучала и та мысль, что следует заботиться о том, чтобы каждое из действий «удовлетворяло своему назначению» [VIII 33]¹⁵. Стоик убежден в том, что не событие им руководит, а он сам событием: «Человек делается и лучшим, и более достойным похвалы, если только он надлежащим образом использует обстоятельства» [X 33]¹⁶. Этот акцент на роль самого субъекта, являющегося свободным исполнителем решений судьбы, столь значим для стоиков, что позволительна следующая интерпретация: «...стоический герой является также и единственным “постановщиком” трагического действия, используя для художественной интерпретации тот материал, который предоставляет ему судьба»¹⁷. Не случайно, Марк Аврелий говорил: «Мир – изменение, а жизнь – убеждение» [IV 3]¹⁸. В убеждении коренится и представление человека о зле [IV 39]¹⁹.

Стоики принимают во внимание внутренний мотив: принять или не принять навязываемое извне. Так, на первый план

¹⁴ Таронян Г. А. Примечания к Беседам Эпиктета. С. 56.

¹⁵ Марк Аврелий. Рассуждения. С. 168.

¹⁶ Там же. С. 225.

¹⁷ Гордюхин Е. Ф. Стоическая трагедия или «этика мима» // Человек. № 2. М., 2010. С. 170.

¹⁸ Марк Аврелий. Рассуждения. С. 56.

¹⁹ Там же. 1994. С. 114.

в этике Стои выходит идея выбора, связанного со свободой воли. Теме свободы Эпиктет уделил особое внимание, посвятив специальную главу. Жить надо так, утверждал Эпиктет, как ты желаешь, но твоя интуиция улавливает природное начало свободы, тот необходимый вектор, в соответствии с которым твое желание совпадает с нравственным императивом. В этом заключается свобода [IV 1–2]. «Кто может помешать мне, – доказывал Эпиктет, – вопреки моему представлению или принудить меня? Не более, чем Зевсу [IV 1]²⁰. В рамках подобных рассуждений рождалась мысль об определяющей роли опыта: «Роль опыта, – повествует Эпиктет, – больше, чем знание силлогизмов» [II 3]²¹. Даже и совершенствование заключается в действовании, а не в следовании теории [I 4]²². Человек сам может считать себя свободным или рабом, и от этой его позиции зависит, свободен ли он на самом деле, от этого же (то есть от убеждения) зависят и его поступки. Текст Марка Аврелия насыщен высказываниями, относящимися к теории поступка, что вполне соответствовало стремлению стоика экзаменовать свою мудрость на практике [XI 33]²³.

Можно утверждать наличие у поздних стоиков этической теории, нацеленной не просто на практику, представляющую собой совокупность частных случаев, а на особого рода опытное знание, главной составляющей которого было применение некоторых от природы свойственных человеку природных структур – общих понятий (рационального элемента), сочетавшегося с элементами некоторого внутреннего свойства, выявляющего интуитивную целостность восприятия мира и отношение к нему – пролепсисов. Таким образом, своеобразие этой этики заключалось в признании значительно свободного пространства для поведенческой активности субъекта, обусловленного внутренним природным потенциалом. А значит, не только в соответствии с рассудочной логикой и склонностью к бесстрастию (рассудочного образца), но

²⁰ Беседы Эпиктета. С. 224.

²¹ Там же. С. 99.

²² Там же. С. 46.

²³ Марк Аврелий. Рассуждения. С. 251.

и благодаря значительной роли психологической мотивации, внутреннего настроя, «выдвигая в качестве морального идеала образ невозмутимого патриарха, стоик, безусловно, имел в виду себя как собственное произведение, сработанное по особой методике: недаром говорят, что эстетика – мать этики»²⁴. Этот акцент на *собственном* возвращает нас к обсуждению вопросов, связанных с темой «пролепсис», смысл которого накладывает отпечаток на характер этики Стои позднего периода, которую можно назвать интуиционистской.

²⁴ Гордюхин Е.Ф. Стоическая трагедия или «этика мима» С. 173.